

ФОНЕТИКА

УДК 811.51 + 81'34 + 81'35 + 81'27 + 81'26
DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-107-123

Основные фонетические особенности нанайского идиома *хэдзэни*

В. С. Харитонов

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация

Описаны основные фонетические особенности нанайского идиома *хэдзэни*, центр которого располагается в настоящее время в с. Дада Нанайского района Хабаровского края: наличие веляризованных аффрикат, монофтонгизация дифтонгов и другие сопутствующие явления. Учитывается социолингвистический контекст, в том числе представления носителей о звуках, которые тесно связаны с кириллическими буквами, используемыми для мажоритарного русского языка. В соответствии с описанными в статье интерпретациями носителей языка специфики произношения тех или иных звуков, их соответствия буквенным обозначениям, стилям нанайской речи, предложены практические рекомендации, применимые для нанайского языкового планирования.

Ключевые слова

нанайский язык, диалектология, фонология, языковые идеологии, языковое планирование

Для цитирования

Харитонов В. С. Основные фонетические особенности нанайского идиома *хэдзэни* // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 107–123. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-107-123

The main phonetic features of the Nanai idiom *Hedzeni*

V. S. Kharitonov

The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article provides a detailed account of the primary phonetic characteristics unique to the Hedzeni idiom, a dialect spoken by the Nanai ethnosocial group residing in the village of Dada within the Nanai district of Khabarovsk Krai. The analysis centers on the distinctions between standard Nanai and Hedzeni, focusing on the velarized pronunciation of affricates preceding non-front vowels, the monophthongization of AI → Ī and AO → Ō in morphemes that are not initial or root morphemes, and associated phenomena such as the formation of causative and imperative verb forms. When the verb root ends in an affricate, an interesting phenomenon is observed where two competing trends, the velarization of affricates preceding non-front vowels and the monophthongization of vowels, are present. A detailed consideration is given to the sociolinguistic context of contemporary linguistic phenomena concerning speaker perceptions of native language phonology, specifically as it relates to the Cyrillic script of the predominantly Russian-speaking population. Several observation methods are presented for determining the acceptability of pronunciation variants. Of particular note is the unacceptability marked by a shift from Nanai to Russian when discussing the Nanai language or its dialectal variations. Following careful academic reflection, this paper presents practical recommendations for the development of the Nanai language and its revitalization through various practices, including the crucial work of developing a standardized Nanai orthography.

Keywords

Nanai language, dialectology, phonology, language attitude, language planning

© В. С. Харитонов, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

For citation

Kharitonov V. S. Osnovnye foneticheskie osobennosti nanayskogo idioma *khedzeni* [The main phonetic features of the Nanai idiom *Hedzeni*]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 107–123. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-107-123

Введение

В нанайском языке выделяют несколько диалектов, наиболее витальными на сегодняшний день являются идиомы Нанайского и Амурского районов Хабаровского края. Диалектное членение рассматривалось исследователями не раз, но нельзя сказать, что отдельные диалекты описаны в достаточной степени: диалектологические атласы отсутствуют, грамматические и фонетические исследования говоров имеют спорадический характер, в словарях содержатся лишь общие диалектные пометы, что не позволяет выявлять системность как внутри говоров, так и в сравнении с другими близкородственными и прилегающими идиомами, некоторые из которых: бикинский нанайский [Сем 1976], кур-урмийский [Суник 1948, 1958], ульчский – считаются отдельными языками¹. Границы «собственно нанайского языка» в настоящее время располагаются вдоль Амура от с. Сикачи-Алян на юге до с. Нижние Халбы на севере, на побережье о. Болонь и вверх по р. Горин до с. Кондон. Диалектное членение в некоторой степени коррелирует с современными административными границами районов. Относительно изученным можно считать найхинский говор, на базе которого существует литературная норма.

1. Хэдзэни среди других идиомов нанайского языка

Говор с. Дада (Нанайский район Хабаровского края) связан с субэтнической группой нанайцев, самоназвание которых можно записать по-русски как *хэдзэни* (нан. *хэдэни* или *хэденай*, транскрипция [хэ́э́эни], [хэ́э́эни], этимологически ‘человек низовья реки’). Географически эта группа охватывает на текущий момент, кроме «эпицентра» в собственно с. Дада, также частично и другие села Нанайского района – Даерга и Найхин, Джари и Троицкое, Синда, Маяк.

Для многих носителей этой зоны самоопределение *хэдзэни* на нанайском языке является более привычным, чем самоназвание нанайцев на большей части остального нанайского ареала – *нани* (*на́най* или *на́ни*, транскрипция [на:н’и] или [на:ни], этимологически ‘человек земли’). Для части респондентов *хэдзэни* является этнонимом, исключаящим *нани*, для других эти этнонимы могут быть синонимами, для третьих релевантно иерархическое соотношение *нани* как более общее, а *хэдзэни* как более частное. Среди остальных *нани* принято считать, что на *хэдзэни* «сильно повлияли китайцы, поэтому цокают», намекая на близость к ханьскому ареалу, с одной стороны, и отмечая или даже не приемля самую яркую черту говора *хэдзэни*, с другой².

1.1. Социолингвистическое состояние нанайского языка

В настоящее время носителей *нани* несколько сотен, включая «пассивных носителей» [Кириленко 2021]. Для оценки их возраста и количества автором, владеющим нанайским языком, и его коллегами проводились специальные исследования. Село Дада является одним³ из самых «молодых» по владению нанайским языком, возраст «активного носительства» или «возраст говорения» соответствует примерно 50 годам и старше. Возраст «пассивного носительства» доходит до 40 лет с единичными исключениями чуть более младшего возраста. В других селах *хэдзэни* проживают разреженно рядом с носителями других нанайских идиомов (в основном среди вовсе не владеющих нанайским), и возраст носителей существенно выше, за исключением недавно переехавших выходцев из с. Дада. Многие *хэдзэни*, проживающие в Синде, Даде, Троицком, Найхине, – выходцы из ныне несуществующего с. Муха́ (нан. *Муху*), располагавшегося несколько ниже по течению от с. Синда и Искра.

¹ См. список языков Института языкознания РАН 2023. URL: https://jazykirf.iling-ran.ru/list_2023.shtml (дата обращения: 31.03.2025).

² Это представление релевантно в части культуры, например, огородничества: в этой сфере много китайских заимствований; при этом влияние в целом на фонетические особенности не выдерживает критики, начиная с того, что в пунунхуа присутствуют как *ц*-образные, так и *ч*-образные фонемы.

³ На несколько лет «моложе» носительство только в с. Джуен Амурского района.

Все носители нанайского языка владеют и активно используют русский язык, причем практически для всех нанайцев, проживающих в России, русский язык сейчас является основным или единственным языком общения. Языковой сдвиг происходит в пользу русского одноязычия. При этом в с. Дада при участии автора ведется деятельность по ревитализации нанайского языка, в том числе в рамках школьного обучения. Поэтому уже сейчас есть основания говорить о детском возрасте «новых пассивных носителей» по отношению к некоторым детям, которые частично понимают и способны на ограниченную коммуникацию на нанайском языке.

1.2. Литературная норма, орфография и отношение к ним

Литература на нанайском языке развивалась в основном благодаря внешним воздействиям в 30-е гг. XX в., сперва на базе латиницы, затем кириллицы, в основу литературной нормы был положен найхинский говор. При этом с точки зрения особенностей *хэдзэни* территория Найхина (включая вплотную прилегающие к нему территории, в том числе с. Даерга) представляет собой зону со смешанными диалектными признаками. Такое же, если не более яркое, смешение характерно для Синды. При этом литературная норма развивалась как компромиссный вариант, сочетающий в себе черты различных диалектов, в ряде случаев отражая более архаичные варианты (лит. *чимай*, найх. *чими* ‘утро’), в других – более прогрессивные (лит. *гучкули*, а не более архаичный диал. *гудюкули* ‘красивый’). Некоторые различающиеся лексемы используются наравне (лит., диал. *депури*, *сиаори* ‘есть, кушать’). Это позволяет говорить о наддиалектном характере нанайского литературного языка.

В нанайской орфографии на кириллической основе используются возможности йотированных букв (они обозначают наличие глайда [й] в начале слова и в интервокальной позиции, а также используются в сочетании с буквами **д** и **н** для обозначения звуков [з] и [нь] соответственно). Для глухой аффрикаты используется буква **ч**, а нефонематичная палатализация других согласных обусловлена контекстом. На практике при соположении с буквой **и** буква **й** не пишется. В конце слов буква **н** не передает согласный звук, а отражает назализацию последнего слога и «проявляется» в качестве согласного при добавлении других морфем. В официальном нанайском алфавите существует дополнительная буква **ң**, передающая заднеязычный носовой [ɲ], но в литературе эта буква имела ограниченное применение вплоть до конца 80-х гг. XX в. и использовалось сочетание букв **нг**, которое может означать как [ɲ], так и [ɲɣ]. Долготы гласных на этапе становления литературной нормы не были признаны важными для отражения на письме [Петрова 1941: 19], но в современный период в учебной литературе часто используется обозначение долгот в виде макрона над гласными: **ā, ō, ĭ, ē** и др. Также в некоторых учебных материалах, издаваемых преподавателями Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена, используется специальная надстрочная конечная буква " (см., например, [Нанайская литература 2007]).

В 90-е гг. XX в. вышло много изданий в различающихся авторских орфографиях. Обычно это выражается в нарушении принципа сингармонизма, использовании буквы **ц** и, реже, сочетания букв **дз**, в двойном написании долгих гласных, несистемном использовании йотированных букв⁴, отражении стилистических и аллегорических редукций, в обозначении звуков [i] и [ɛ] одной буквой **э**. Такие тексты и издания выходят по сей день наряду с изданиями в действующей орфографии, в первую очередь учебными⁵.

На нанайском языке в разных орфографических вариантах вышло более 100 изданий (часть из них представлена в [Сводный каталог 2019]). В разные периоды издавались также и газеты. Обучение на нанайском языке велось вплоть до 60-х гг. XX в. с опорой на литературную норму [Аврорин 1957: 5], существуют учебники по некоторым предметам начальной школы.

В прошлом носители нанайского языка знакомились с литературной нормой достаточно активно, но сейчас даже старшее поколение имеет о ней смутное представление. Большинство носителей «недолгобливают» литературный вариант нанайского языка, чему, видимо, есть несколько причин: 1) компромиссный подход между диалектами предполагает, что часть слово-

⁴ Что дает разночтение: сочетание **дя** может быть прочитано в таких орфографических системах как [ʒa] ‘близко’ и как [ʒia] ‘друг’.

⁵ При этом нельзя сказать, что качество текста и его оформления (в частности, переносов) в учебных изданиях соответствует в полной степени «нормированным» и прошедшим необходимую корректуру.

форм не признаются «своими»; 2) письменная речь обладает своими стилистическими особенностями, которые для нанайского языка, использующегося для ограниченных сфер, уже слабо релевантны; 3) стилистическое использование нанайского языка для многих осталось релевантно детскому или подростковому периоду, это сказывается на невладении многими пластами нанайской лексики; 4) реалии жизни изменились, и культурно-языковые контексты в письменных источниках не вполне понятны; 5) литература на нанайском языке практически не доступна, носители нанайского языка плохо с ней знакомы (мало у кого дома есть хотя бы одна книга на нанайском языке); 6) дети, обучающиеся в школе и не владеющие нанайским языком, часто прочитывают нанайские тексты по правилам русской орфоэпии, чем вызывают у старших родственников-носителей заведомое отторжение нанайских учебников, самого предмета «родной язык» и вместе с ним и нанайской литературы в стандартной орфографии.

1.3. Маркеры (не)принятия

С учетом непростого отношения к литературному нанайскому языку маркеры «своего» местного языка получают дополнительную окраску. Повсеместное неприятие конечной буквы **н** сопровождается также неодобрением записей через дифтонги, полных (а не редуцированных) форм, а для *хэдзэни* также негативной реакцией на написание с отражением *чоканья* и других важных фонетических черт (см. ниже).

Для оценки приемлемости нанайского произношения и выделения осознаваемых звукотипов (см. [Князев, Пожарицкая 2011: 21–22]) я использовал несколько методов: наблюдение, консультации с носителями, но чаще всего – высказывания самих носителей о произношении других людей, в том числе о моем произношении. Такое включенное наблюдение позволило мне выделить основной критерий приемлемости определенного произношения – прекращение разговора на нанайском языке и переход на русскоязычное обсуждение нанайского языка и его речевых особенностей. Это типичный жанр в условиях языкового сдвига, происходящий постоянно и заменяющий при общении даже искренний настрой на беседу на нанайском языке. Есть и другие маркеры, такие как исправление, переспрос, рассказы о случаях из жизни, связанные с неприемлемостью, эти данные также были использованы для общего анализа. Но с точки зрения практических выводов для задач ревитализации маркер прекращения разговора и способы снижения данного переключения являются особенно интересной и важной задачей. Стремление сохранять при общении значимые черты местного идиомы может вызывать ответные реплики одобрения *бусисиси* ‘стараешься’⁶ или, наиболее благополучный вариант, продолжение беседы на нанайском языке без обращения внимания на особенности произношения.

Степень неприемлемости у разных собеседников различается в зависимости: 1) от возраста: старшие обычно более категоричны, младшие более лояльны, хотя есть немало неговорящих, которые высказывают свою точку зрения о том, как говорить «правильно»; 2) образования: более высокий уровень образования обычно связан с менее категоричным выражением мнения, при заметно более слабом стремлении общаться на нанайском языке, то есть в среднем все равно высокая частота прерывания беседы; 3) знакомства с литературой: более широкое владение повышает уровень лояльности; 4) пониманием процесса языкового сдвига и целей сохранения и развития языка: более высокая сознательность связана с повышением лояльности.

2. Основные черты идиомы *хэдзэни*

Наиболее яркая черта *хэдзэни* – так называемое *цоканье-дзоканье* (в противоположность *чоканью-дёканью*), при котором аффрикативные фонемы <ч> и <з> перед непредними гласными произносятся в веляризованном или даже зубном варианте со свистящим акустическим эффектом в варианте [ц] и [з̥], но перед передними гласными аффрикаты реализуются в «обычном» палатализованном варианте шипящим акустическим эффектом [ч] и [з]⁷. *Цоканье* и *дзоканье* встречаются также в ограниченной степени в других селах со смешанным проживанием *хэдзэни*,

⁶ Данная форма в литературном нанайском должна быть записана как *бусэйсиси* ‘стараешься’, но при общении с *хэдзэни* даже при малейшем намеке на [э] в корне будет пониматься ровно противоположно – как *бусэсиси* ‘не стараешься’.

⁷ Подробнее о выборе знаков *ж* и *з* и их истории в нанайском см. ниже, в разделе 5.3.

где *цоканье* может сосуществовать с *дэканьем* даже в речи одного носителя, а некоторые носители даже могут утверждать, что не *цокают*, и при этом *цокать*. Вероятно, ранее осознание противопоставления обобщенных *цоканья* и *чоканья* было менее важным, возможно также, что *цоканье* в середине XX в. было менее престижным на фоне стремления обучить литературной норме. Однако в последние десятилетия, учитывая фактическое отсутствие нанайского языка в общественной (наддиалектной) сфере, а также мощное влияние русского языка с противопоставлением фонем и звукотипов <ц> и <ч>, для языкового сообщества в Даде, где *цоканье* и *дзоканье* являются единственным возможным вариантом, *чоканье* и *дэканье* во всех позициях стало осознаться как неприемлемое, из-за чего возникают споры и даже драки с представителями *чокающих* идиомов, что также указывает на важное символическое значение территориально-этнического феномена *хэдзэни*.

Для дальнейшего представления особенностей *хэдзэни* необходимо кратко обозначить основные фонетические черты нанайского языка, принятые для настоящей работы.

2.1. Гласные

В стандартном нанайском языке 6 базовых гласных фонем, которые делятся на две серии, признак распределения которых не имел серьезного артикуляторного и акустического анализа. В. А. Аврорин указывает, что есть серия с гласными более высокого и более низкого подъема, причем «гласные, относящиеся к более низкой по подъему серии, имеют несколько отодвинутую назад артикуляцию» [Аврорин 1959: 19], эта точка зрения является основной до сих пор в российском нанаведении. В работе [Ko, Yurn 2011] основанием для различения серий предлагается считать признак отодвинутости корня языка (*retracted tongue root*, *RTR*). Я использую для обозначения этих серий метафорически два нанайских слова: *сошта* ‘глубоко’ и *уйлэ* ‘вверху’ (см. табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Простые гласные фонемы Simple vowel phonemes

[Аврорин 1959]	[Ko, Yurn 2011]	Настоящая работа	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
			– back	– rounded	+ rounded
			Передние, <И> ⁸	Непередние	
				<А>	Огубленные, <О>
Первая серия	– RTR	<i>уйлэ</i>	<и> (орф. и)	<э> (орф. э)	<у> (орф. у)
Вторая серия	+ RTR	<i>сошта</i>	<і> (орф. и)	<а> (орф. а)	<о> (орф. о, у)

Признак серии релевантен для всего слова (поэтому возможна такая интерпретация, что фонетическое слово обладает признаком *сошта* или *уйлэ*, а простых гласных фонем три, которые применяются в зависимости от этого признака), при этом в последнем слоге может происходить качественная редукция, переход гласного из *сошта* в *уйлэ*; в орфографии О-гласный в последнем слоге принято обозначать буквой у.

В нанайском языке выделяют дифтонги и долгие гласные, которые можно считать сочетанием или слиянием простых гласных [Радченко 1984, 1986]. Дискуссионен статус трифтонгов. Носовые гласные получаются в результате реализации конечной носовой фонемы (<н> или <ʰ>) в абсолютном конце слова. В таблице 2 представлены варианты долгих гласных и дифтонгов, которые возможны для обеих серий.

⁸ Здесь и далее заглавная буква в треугольных скобках означает архифонемы: И – любая фонема переднего ряда {<и>, <і>}, А – любая фонема среднего ряда {<а>, <э>}, О – любая фонема заднего ряда {<о>, <у>}.

Таблица 2

Table 2

«Сложные» гласные фонемы (долгие и дифтонги)
Complex vowel phonemes (long vowels and diphthongs)

Архифонемы	И	А	О
И ⁹	Й: ĭ, ĭ̃ (орф. и)	ИА: iā, ĩ (орф. иа, иэ)	ИО: iō, ĩ (орф. ио, иу)
А	АИ: aī, ã (орф. ай, эй)	Ā: ā, ā̃ (орф. а, э)	АО: aō, ã (орф. ао, эу)
О	ОИ: oī, õ (орф. ой, уй)	ОА: oā, õ (орф. оа, уэ)	Ō: ō, ō̃ (орф. о, у)

Общее количество гласных фонем при различных способах их определения и подсчета может варьироваться от трех (И, А, О) до двадцати четырех (шесть простых, шесть долгих, двенадцать дифтонгов) или даже сорока восьми (если носовой признак гласных считать фонематичным, см. [Аврорин 1959: 31]), без учета трифтонгов с неясным статусом и номенклатурой.

Различие в области осознаваемых звукотипов и орфографической записи касается в основном неразличения <и> и <i>, обозначением их одной и той же буквой **и**, при этом наиболее осознаваем [i] в первых слогах и, особенно, в абсолютном начале слова. Многие носители стремятся обозначать в собственных системах записи этот звук буквой э, что приводит к другому орфографическому смещению – <i> и <э>.

2.2. Согласные

Согласные в нанайском языке в основном представлены смычными, которые обладают рядом особенностей артикуляции, такими как апиальность переднеязычных [Аврорин 1959: 33–34], участие ларингала [Радченко 1985], эйективность [Зимин 2020]. При этом осознаваемыми¹⁰ (в том числе под влиянием русского языка) чертами шумных согласных являются следующие признаки:

1) для губных смычных <б>, <п>, а также для сибиллянта <с> существуют пары аллофонов с дополнительными признаками палатализации и веляризации, которые осознаются как «мягкие» и «твердые» звукотипы;

2) заднеязычные существуют предположительно в виде четырех вариантов основной артикуляции: велярный, увулярный, палатально-велярный, велярно-увулярный, причем два последних осознаются как «мягкие»;

3) аффрикаты в *нани* представлены только в «мягком» варианте, а в *хэдзэни* – в «мягком» и «твердом»;

4) зубные смычные не имеют «мягких» палатализованных вариантов (о соответствии носовых см. ниже).

В таблице 3 приводятся окклюзивные (смычные и аффрикативные) согласные фонемы, выделяемые в нанаведении, и их аллофоны из числа осознаваемых носителями звукотипов (не имеющих при этом смыслоразличительного фонематического значения).

Носовые согласные в целом могут следовать общим тенденциям смычных. Так, губно-губная носовая смычная фонема <м> перед передними гласными реализуется в палатализованном варианте [м']; заднеязычная носовая фонема <н> имеет варианты: велярно-палатальный [н'] (*утууги* 'оморочка'), велярный [н] (*нэлэури* 'испугаться'), велярно-увулярный [н'] (*хавауи* 'подмышка'), увулярный [н] (*нāла* 'рука').

⁹ Возможно, для некоторых или всех случаев в абсолютном начале слова или в интервокальной позиции орфографические варианты **я, е, ё, я, ва, вэ** означают соответственно дифтонги iā, ĩ; iō, ĩ; oā, õ.

¹⁰ Вероятно, это оказывает влияние на гипотетические последующие диахронические изменения в языке.

Таблица 3
Table 3**Окклюзивные неносовые согласные (смычные и аффрикаты)**
Occlusive non-nasal consonants (stops and affricates)

Фонемы	Реализация аллофонов в зависимости от вокального контекста
смычные губно-губные <б>, <п>	перед передними гласными палатализируются: [б], [п] перед {<А>, <О>} [б'], [п'] перед <И>
смычные переднеязычные зубные-альвеолярные <д>, <т>	[д], [т] перед любыми гласными (графическая форма ди обычно означает <зИ>)
аффрикаты среднеязычные альвеолярные-палатальные <з>, <ч>	характерно для <i>нани</i> : [ч], [з] во всех позициях характерно для <i>хэдзэни</i> : [ц], [з] перед ¹¹ {<А>, <О>}; [ч], [з] перед <И>
смычные заднеязычные палатальные-велярные-увулярные <г>, <к>	в серии <i>уйлэ</i> : велярные [к], [г], перед и – велярно-палатальные [к'], [г'] в серии <i>соңта</i> : увулярные [к], [г], перед и – увулярно-велярные [к'], [г']

Вопрос о разграничении фонем <н> и <нь> недостаточно изучен: чаще всего в корнях и аффиксах звук [н] предшествует непередним гласным, а [нь] можно интерпретировать как выражение собственно фонемы <нь>. При этом в *хэдзэни*, согласно симметрии со среднеязычными аффрикатами, можно предположить реализацию [н] фонемы <нь> перед <А>, <О>, но провести наблюдения можно только после более тщательного фонематического анализа. Ведь есть случаи, когда <нь> появляется перед непередними, но их можно интерпретировать как <ньИ> перед <А>, <О>. Такие интерпретации отмечены также в словарях, например, слово *нёури* ‘выходить’ в словаре представлено также более распространенным вариантом *ниэури* [Петрова 1960: 90, 92]. При этом если для частотного слова *нёани* ‘он, она’ постулировать структуру <ньоањи>, придется утверждать, что существует корневой трифтонг. Важно отметить, что некоторые носители (особенно слабо знакомые с литературной нормой) произносят местоимение с непалатальным вариантом – [ноањи]. Возможными примерами для анализа избегания в *хэдзэни* сочетания [нь] с непередними гласными могут стать также слова с передвижением гласных в передние, ср.:

	лит.	<i>нани</i>	<i>хэдзэни</i>
‘трава’	<i>нядяха</i>	[њазаха]	[њи́заха]
‘немного’	<i>няуга</i>	[њауга]	[њи́уга]

Есть и другие примеры, в том числе в зоне вариативности, на пересечении тенденций реализации фонем <н> и <нь>. Так, наряду с [нāни], [хэ́зэни] существуют [нāн'и], [хэ́зэн'и] – здесь даже на синхронном уровне необходимо признать палатализацию фонемы [н], так как существует связь с исходной лексемой *най* ‘человек’. Палатализованный вариант даже более распространен (например, в словах, также производных от *най*: *хусэни* ‘мужчина’, *эктэни* ‘женщина’), особенно у более молодого поколения; при этом в речи одного человека могут встретиться обе формы, или носитель будет выбирать наиболее подходящую. Ниже будут показаны случаи, когда <н> оказывается перед <И> в результате монофтонгизации и не становится палатальным.

¹¹ Фонема <ч> в небольшом количестве случаев встречается в кластере согласных перед согласным <х>, реализуется с *ц*-вариантом; у этих слов существуют диалектные / письменные варианты с полногласием (более архаичным или развившимся): *унчу* ~ *ундоху* ‘бубен’, *бичхэ* ~ *бичихэ* ‘письмо’, *пичхай* ~ *пичихай* ‘небрежно’, объяснение *цоканья* в которых может быть связано не с редуцированным слогом, а с гласной, следующей за <х>.

Щелевой согласный <х>, соответствуя общей тенденции заднеязычных согласных, реализуется в велярно-палатальном, велярном, велярно-увулярном и увулярном вариантах. Щелевой согласный <с>, сонорные <р> и <л> палатализируются перед <И>. Палатализация согласных в кластерах согласных часто «проникает» вперед, вызывая палатализацию, где это возможно. Для <л> такие случаи особенно рьяно утверждаются носителями *хэдзэни* (лит. *балдини* ‘жить’, [балзіні], мест. орф. *бальдини*). В. А. Аврорин выделяет несколько степеней палатализации для <л> в зависимости от последующего гласного или согласного, причем все варианты нанайского <л> находятся внутри зоны между русскими <л> и <л’> [Аврорин 1957: 50].

Глайды (полугласные, аппроксиманты) обладают целым рядом черт, отличающих их от других согласных, они возможны только в интервокальной позиции или в абсолютном начале слова, при этом палатальный глайд <й> отражает, как правило, редуцированную часть дифтонгов, содержащих <И>. Губной глайд <ў> (на письме обозначается как **в**, а в системах транскрипции обычно как [w]) не встречается перед <И>.

Особое место в нанайском языке занимают образные слова, которые обладают особыми чертами в области фонетики (см., например, [Киле 1973: 57]): долгие согласные на конце слов, сверхдолгие гласные, некоторые кластеры согласных и двойные согласные, что в других лексических категориях не встречается. В настоящей работе данные, связанные с образными словами, не привлекаются.

3. Особые черты *хэдзэни*

Наиболее яркими отличительными чертами *хэдзэни* являются веляризованная реализация аффрикат перед непередними гласными и монофтонгизация ряда дифтонгов. Исследователи отмечают эти особенности [Аврорин 1957: 31–32; 1959: 27–28; Радченко 1983, 1984], но чаще всего характеризуют их как «один из вариантов найхинского говора», сосуществующий наряду со «стандартным» нанайским. Для с. Дада эти признаки являются невариативными, вариативность наблюдается лишь в особых случаях, которые будут показаны ниже.

Также можно отметить такие особенности, как отсутствие второго компонента «исходного падежа» -*зИА-зИ*, редкое употребление некоторых форм¹², ряд корневых соответствий, чаще всего различающихся в области вокализма: *досодиори* (лит. *досидяори*) ‘слушать’, *бусисиури* (лит. *бусэсиури*) ‘стараться’, *гусэрэури* (лит. также *гисурэури*) ‘рассказывать’ и др. В данной работе такие случаи мы не рассматриваем, оставляя их для более подробных диалектологических исследований.

На смежном фонетическо-фонологическом уровне также можно отметить, что в различных некорневых дифтонгах (или в дифтонгах не в первом слоге) происходят редукции: мест. орф. *хэсэди́ни* вместо лит. *хэсэдиэ́ни* ‘на (каком-либо) языке’, *нёандо́ни* вместо *нёандоа́ни* ‘у него, у нее’, *эне* вместо *эниэ* ‘мать’, *пэгелэ́ни* вместо *пэгиэлэ́ни* ‘снизу (чего-либо)’; это характерно для аллегровой речи и не дает оснований для пересмотра фонемного состава *хэдзэни*, но в целом ряде идиолектов в зоне *хэдзэни* такие редуцированные формы являются единственно возможными, а произнесение полных форм вызывает недоумение или даже неприятие; малое количество дифтонгов отмечается также и для другого верховского, кур-урмийского идиома [Суник 1948: 540].

3.1. Монофтонгизация в парадигме причастия настоящего времени

Монофтонгизация *АИ* → *Й* происходит во всех непервых или во всех некорневых слогах, и есть все основания считать, что этот процесс происходил не раз. Такие исторические дифтонги в корнях на сегодняшний момент уже прошли подобное преобразование, причем широко известны самые поздние примеры монофтонгизаций: слова, зафиксированные в орфографии как *чимай* ‘утро’, *бортай* ‘совсем’, *Билдай* (название рода и фамилии), звучат монофтонгически практически на всем ареале нанайского языка: [чім’і], [борті], [б’ілді] (ср. русскоязычную запись фамилии *Бельды*).

¹² Возможно, что в условиях языкового сдвига, при утере части языковой полноты, в том числе стилистической.

Самый частый случай некорневого образования дифтонга – на стыке морфем, конца основы -А и показателя причастия ¹³ настоящего времени -И ¹⁴, причем есть основания считать, что показатель настоящего времени сам образовался исторически из -АИ- [Авrorин 1961: 68] ¹⁵. Именно такие примеры мы и рассмотрим ниже, но отмечая попутно некоторые наблюдения за согласным, предшествующим -А. Также для простоты отображения будут показаны формы безличных причастий настоящего времени (они же – нефинитные варианты презенса глагола).

Таблица 4

Table 4

Монофтонгизация после непалатализирующихся согласных *д, т, н*
Monophthongization after non-palatalized *d, t, n*

Согласный последнего слога основы	Орфографическая запись	Морфемное членение, перевод, глоссы	Хэдзэни
д	<i>дэгдэй</i>	<i>дэгдэ-и</i> ‘летающий’ (лететь-NPST)	[дэгдй] (мест. орф. <i>дэгды</i>)
т	<i>мутэй</i> <i>тай</i>	<i>мутэ-и</i> ‘могущий’ (мочь-NPST) <i>та-и</i> ‘делающий’ (делать-NPST)	[мутй] (мест. орф. <i>муты</i>) [тй] (мест. орф. <i>ты</i>)
н	<i>симанай</i>	<i>симана-и</i> ‘снежающий’ (снежить-NPST)	[с’иманй] (мест. орф. <i>симаны</i>)

Особенно интересен случай односложного корня глагола *таори* ‘делать’ (не являющегося, вопреки своей односложности, каким-либо «неправильным» в целом по парадигме), где все равно происходит монофтонгизация, следуя правилу для некорневых дифтонгов.

Согласные, которые имеют палатализованные варианты, перед гласным, образованным из дифтонга АИ → Ы, палатализируются, появляются формы: [жап’й] (лит. *дяпай*) ‘держаший’, [гэл’й] (лит. *гэлэй*) ‘просящий’, [қапс’й] (лит. *капсай*) ‘перевязывающий бинтом’, [морқол’й] (лит. *морколай*) ‘крутящий’ и др.

Особенно интересны случаи, когда перед монофтонгизованным дифтонгом АИ → Ы оказываются аффрикаты <з>, <ч>. Здесь наблюдается вариативность, обусловленная противостоянием двух отличительных особенностей *хэдзэни*: если перед Ы аффрикаты выступают в формах [ч], [з], то в сознании говорящих нарушается принцип единства лексемы, содержащей [ц], [з]. Иными словами, происходит «неожиданная» реализация [ц] и [з] в виде основ на [ч] и [з]. Если же не допускать этот «переход», то предпочтительнее становится немонофтонгизированная форма АИ, перед которой закономерно реализуются варианты [ц] и [з]. Случаи *[цй], *[зй], в свою очередь, будут «нарушать» принцип фонологического единства Ч {ц, ч}, З {з, з} и действительно вызывают беспокойство (неприятие и растерянность) носителей, которые после этого начинают искать подходящую форму: *цаи* / *чй* / *цыи*. Чем больше рефлексиируют и рассуждают носители, тем сложнее становится им выбрать форму; часто соседствуют утверждения «я так не говорю» и реализация той же формы в речи. В таблице 5 представлены варианты, сосуществующие в *хэдзэни* даже в речи одного и того же человека; для сравнения эти основы представлены также в формах причастия прошедшего времени.

¹³ В нанайском языке эта форма с лично-числовыми показателями используется и для выражения глагола в изъявительном наклонении в функции сказуемого; это более частотная форма по сравнению с собственно причастием, но для удобства представления примеров здесь и далее я буду говорить о «форме причастия».

¹⁴ Этот показатель может быть записан в фонологической записи как Ы, но в дальнейшем он взаимодействует с гласным корня, становясь частью дифтонгов ОИ, АИ или образуя долгий гласный Ы.

¹⁵ В. А. Авrorин ссылается на «Краткий нанайско-русский словарь» Т. И. Петровой, возможно, на какое-то переиздание этого словаря или на другую работу, так как такое утверждение в издании «Краткого нанайско-русского словаря» (1935 г.) отсутствует.

Таблица 5
Table 5**Монофтонгизация после аффрикат**
Monophthongization after affricates

Согласный последнего слога основы	Форма причастия настоящего времени			Форма причастия прошедшего времени
	Орф. запись	Морфемное членение, перевод на русский язык и глоссы	<i>хэдзэни</i>	<i>хэдзэни</i>
З	<i>мэлдей</i>	<i>мэлзэ-и</i> 'летающий' (побеждать-NPST)	<i>мэлзй, мэлзэи</i>	<i>мэлзэ-хэ", мэлзэ-хэ"</i> 'победивший' (победить-PST)
Ч	<i>ичэй</i>	<i>ичэ-и</i> 'видящий' (видеть-NPST)	<i>ичй, ичэи</i>	<i>ичэ-хэ", ичэ-хэ"</i> 'увидевший' (видеть-PST)

Монофтонгизация АИ → Ы наиболее ярко проявляется в парадигме настоящего времени у первого типа глагольных основ. При этом для третьего и четвертого типа существуют также заметные различия. В таблице 6 приведены показатели формы причастия настоящего времени для разных типов.

Таблица 6
Table 6**Морфологические показатели формы причастия настоящего времени**
для разных типов основ глаголов
Morphological indicators of the present participle form for different types of verb stems

Тип по концу основы	Орф.	<i>нани</i>	<i>хэдзэни</i>	Перевод на русский язык и глоссы
1) на простой гласный	<i>оми</i> <i>тутуй</i> <i>энэй</i>	<ом-и> [ом'и] <туту-и> [тутуи] <энэ-и> [энэи]	-/- -/- -/- [эни]	'пьющий' (пить-NPST) 'бегущий' (бежать-NPST) 'идуший' (пойти-NPST)
2) на сложный гласный	<i>сиари</i> <i>тури</i>	<си-ри> [с'иар'и] <ту-ри> [түр'и]	-/- -/-	'едящий' (есть-NPST) 'падающий' (упасть-NPST)
3) на соглас- ный	<i>унди</i> <i>гупчи</i>	<ун-зи> [ун'зи] гуп-чи [гупчи]	<ун-даи> [ундй] <гуп-таи> [гуптй]	'говорящий' (сказать-NPST) 'потухающий' (потухнуть-NPST)
4) глаголы <i>о-, ди-, га-</i> ¹⁶	<i>оди</i> <i>диди</i> <i>гади</i>	<о-зи> [оzi] <зи-зи> [зизи] <га-зи> [гази]	<о-даи> [одй] <зи-даи> [зидй] <га-даи> [га-дй]	'становящийся' (становиться-NPST) 'приходящий' (прийти-NPST) 'покупающий' (купить-NPST)

Отличие непалатализованных [д]-, [т]- в *хэдзэни*, скорее всего, показывают более архаичную форму, при которой фонемный состав морфемы настоящего времени должен быть определен как <ДИ> или даже <ДАИ> с закономерной реализацией [дй] / [тй].

3.2. Монофтонгизация при других морфемах

В той же позиции в некорневых морфемах происходит процесс монофтонгизации АО → Ъ. Эта система, при которой А-инициали оказываются «слабыми», находится в оппозиции к иерархии, релевантной для корневых морфем: А > О > И. Есть основания считать, что в конце слов существует другая иерархия О > И > А (ср. обсуждение восходящих и нисходящих дифтонгов в [Аврун 1957: 29]). Приведем два ярких примера этой монофтонгизации – при морфемах императива и каузатива.

Императив 2-го л. ед. ч. в нанайском языке описывается следующим образом: <рО> – показатель для 1-го и 2-го типов, <ДО> – для 3-го и 4-го типов. Эта форма (особенно орф. -ру) для 1-го

¹⁶ К этой же группе традиционно относят глагол *би-*, но в парадигме причастия настоящего времени он ведет себя иначе, соответствуя первому типу.

типа широко представлена в литературе, при этом не является распространенной в устном общении в любых диалектах (ср. [Аврун 1957: 22]). С точки зрения системности это необычный факт для типичного чередования в зависимости от типа глагола. Обычно согласным *-р-* 2-го типа и *-д-* / *-т-* 3-го типа соответствует отсутствие согласного в первом типе во множестве парадигм: в представленной выше парадигме настоящего, а также при отрицании в настоящем, отрицании в прошедшем, прохибитиве.

В разговорной речи форму на *-ру* чаще всего поймут, могут произнести при чтении книг, но в обычном общении будут использовать суффикс *-О*, который добавляется к основе, образуя [i̯o], [i̯y], [a̯o], [ɛ̯y], [õ], [y̯]. У носителей *нань*, особенно горинских говоров, встречаются немонотонизованные формы, хотя и с заметным преобладанием *О*-финали, а в *хэдзэни* встречаются исключительно формы с редуцированной *А*-инициальной, при этом, предположительно, с долгим *О*: [эну] <энэ-у> 'иди', [хаполу] <хапол-ла-о> 'подмети' и др.

Еще один случай перестройки группы гласных, содержащих дифтонг, происходит в формах каузатива. Считается, что суффикс каузатива для 1-го, 2-го, 4-го типов – *-вĀн-* (для 3-го типа *-бОвĀн-*), с его помощью образуются такие словоформы, как *тутувĀн-*, *энэвĀн-*, *сиавĀн-*. В *хэдзэни* функционируют формы, которые можно условно записать как *тутууэн-*, *энуэн-*, *сиаоан-* (основы каузативных форм от 'бежать', 'пойти', 'есть')¹⁷. Их можно объяснить, предложив рассматривать суффикс каузатива как *-ОАн-*. И если в большинстве случаев гласный основы просто взаимодействует с этим слогом, вызывая редукции качества и количества гласных в некоторой степени, то формы 1-го типа, заканчивающиеся на *-А*, подчиняются общему правилу *АО → Ō*, из-за чего гласный *А* основы редуцируется полностью.

4. Отношение носителей к явлениям языка

В настоящей статье основной анализ связан со звукотипами, что имеет и практическое значение, ведь такое осознание звуков транслируется в языковой рефлексии, в том числе при передаче языка, а также влияет на орфографические решения, что важно для процессов ревитализации.

4.1. Некоторые звукотипы в нанайском языке

Доминирование русского языка влияет на представления о звуках родного языка, что откладывает отпечаток на восприятие обозначающих их нанайских букв.

1) Конечная буква **н**. В нанайском языке возможно постулирование специальной фонемы <ⁿ>, это может быть предметом специального исследования. В русском языке конечная буква **-н** осознается исключительно как звук [н]; носовые призвуки гласных не являются фонематическими и не осознаются как звукотипы. Написание конечной буквы **н** носители обычно считают «главной бедой» нанайской письменности, а слыша соответствующее прочтение, резко реагируют, порицая не только подобное чтение, но вместе с ним и сам принцип нанайской орфографии.

2) Две серии гласных. В нанайском языке это важный признак фонетического слова. В русском языке широкая зона реализации фонемы <э> соответствует нанайским <э>, <і>, признак + RTR отсутствует. В нанайском при редукции огубленной фонемы серии *соута* возникает переосознание [o] как [y]. Увулярные варианты заднеязычных в серии *соута* осознаются как особые звукотипы, которым нет русских соответствий. Акустические проявления увулярных, по видимому, связаны с (ко)артикуляцией + RTR слов (гласных) серии *соута*, а их отсутствие указывает на непроявление этого признака, что приводит, вероятно, к затруднению перцептивного распознавания границ фонетических слов, а такая речь признается «менее красивой с русским акцентом».

Другие черты нанайских согласных, такие как особенности формы смычки, наличие гортанной смычки, уже не считаются обязательными, хотя носители могут вписать это в «общий акцент» без сознательного описания акустических или артикуляторных особенностей.

4.2. Некоторые звукотипы в *хэдзэни*

В *хэдзэни* звукотипы [ц] и [ч], [ж] и [з] осознаются как разные, что сближает их восприятие с русскими аффрикатами. Неиспользование этих звуков в речи считается среди *хэдзэни* ошибочным, а отсутствие соответствующих букв считается недочетом орфографии.

¹⁷ По моей просьбе были записаны такие варианты: *тутувĕндыи*, *энуĕндыи*, *сиавондыи*.

Видимо, также под влиянием представления о русском языке носителями осознается отдельный звукотип палатализованного [л'] перед другими палатализованными согласными, проявляющийся нерегулярно в таких словах, как [бал'зiы́] *балдини* 'живет', [ол'г'iaⁿ] *олгиан* 'свинья'. В *нани* существуют единичные лексемы с сочетанием *ти*, например, *тиэсэ* 'рубль', в *хэдзэни* таких случаев заметно больше перед описанными случаями монофтонгизации АИ → Ъ, причем для части парадигмы формы причастия настоящего времени приходится постулировать иной фонологический состав морфем, чтобы объяснить соответствие [тй] ~ [чи], [дй] ~ [зи]. Эти сочетания являются скорее исключением для звукотипов *нани* (я даже слышал палатализованные варианты произнесения образных слов *тиас* 'полный', *тиап* 'целиком' носителями Амурского района), при этом являются соответствиями русским сочетаниям типа *ты*.

Обобщенное мнение о несоответствиях между стандартной орфографией и *хэдзэни* можно выразить тезисно так: «литературная норма плохая / не подходит для записи нанайского языка»; «в школе детей учат неправильно»; реже – «латиница подходит нанайскому языку лучше», «надо писать, как говорится» (то есть используя *ц* и *дз*, реже *ж*, отражая редукции в разговорной речи, используя букву *ы*).

5. Вместо заключения: практическое применение

Представление о звукотипах и случаи неприемлемости тех или иных написаний или произношений для носителей языка позволяют сделать несколько выводов для задач развития нанайского языка. Эти выводы имеют комплексный и разносторонний характер.

5.1. Идеи для практик ревитализации

Развитие навыков чтения среди владеющих нанайским языком должно учитывать следующие факторы: 1) для навыка соотнесения письменной и устной речи наиболее подходящим является формат аудиокниг, которые можно одновременно слушать и читать; 2) для повышения уровня грамотности необходимо предоставлять возможность чтения актуальных текстов на нанайском языке, в первую очередь оригинальной литературы, также переводной литературы, блогов, СМИ.

Для развития навыков письма действенным механизмом может стать автоматическая система проверки орфографии, которая предлагает исправления в реальном времени (особенно важно для мобильных телефонов) или для обработки текстов. Также эта система, совместно с системой распознавания голоса, может пассивно обучать навыкам письма в действующей орфографии.

Повышение уровня знакомства с разными диалектами нанайского языка (и ближайшими родственными языками, в первую очередь с ульчским) будет способствовать повышению уровня толерантности к диалектному разнообразию, возможно через аудио- и особенно видеоматериалы на актуальные темы, в которых высказываются носители разных диалектов. Возможные форматы разнообразны: кино, мультфильмы, видеоблоги, телевидение. Разнообразие диалектов может сосуществовать в разных выпусках программ или каждый выпуск может концентрироваться на одном из говоров.

Для общения с детьми младшего возраста во внутрисемейном общении, при реализации практик ревитализации, близких к «Языковому гнезду», в детских садах и школах при работе коммуникативными методами необходимо опираться на развитие бытового общения на местном говоре, после чего необходимо расширять лексический, грамматический, стилистический и фонетический уровни в том числе через чтение нанайской литературы, созданной на литературном нанайском языке в действующей орфографии, а также, хотя бы для пассивного владения, на других диалектах нанайского языка.

Языковым мастерам при реализации практик ревитализации, а также учителям, преподавателям нанайского языка особое внимание необходимо обращать на артикуляционные особенности, не являющиеся оппозиционными с точки зрения фонем и звукотипов, такие как увулярные согласные, особенности артикуляции смычных, оттянутость корня языка (+ RTR) и другие, которые необходимо подробнее изучить с помощью методов и инструментов экспериментальной фонетики.

5.2. Общие идеи для развития орфографических принципов

Говоря о звукотипах нанайского языка, возможно обсуждение совершенствования нанайской орфографии. Наиболее актуальными являются две разные практические задачи: 1) разработка

удобной практической системы транскрипции звучащей речи *хэдзэни*; также, при необходимости, эта же система может быть использована для других говоров, с отражением их особенностей; 2) доработка орфографии, универсальной и применимой для всех существующих нанайских диалектов. Также возможны более широкие задачи, такие как разработка общей системы орфографии для близкородственных языков, что может напоминать морфофонологические системы для родственных языков с долгой историей общей письменной системы и, наоборот, более узкие, при которых с помощью транскрипции есть возможность фиксации определенных черт (таких как коартикуляционные или другие нефонологические явления). В целом мои рассуждения будут следовать второй задаче о возможных коррективах в системе общей нанайской орфографии, которые, не снижая уровень удовлетворения записи других нанайских диалектов, помогут использовать общую письменность применительно к *хэдзэни*.

Во-первых, необходимо отметить два важных процесса в развитии письма, которые происходят, но недостаточно широко и не являются вполне официальными для системы орфографии: 1) отражение долгот с помощью макронов: единого мнения носителей и учителей, что такие долготы должны использоваться повсеместно, причем не только во всех учебных материалах, но и в других случаях, то есть быть неотъемлемой частью нанайской орфографии; 2) отражение конечной буквы **н** с помощью надстрочного символа уменьшенной величины: этот принцип применяется в учебных материалах, издаваемых в Санкт-Петербурге специалистами Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена; это изящный компромисс, который было непросто реализовать исторически (хотя недаром еще в 1957 г. В. А. Аврорин поясняет орфографию с помощью системы транскрипции с «^h»), но сейчас доступны как минимум два способа отображения: с помощью верхнего индекса ^h или с помощью специального символа «^h» в системе Unicode 1D78¹⁸. Возможны обсуждения по поводу использования ^h перед дефисами (с последующими редупликациями – корнями или клитиками), неотъемлемыми синтагматическими частями, а также в некоторых формах (в первую очередь, причастных отрицательных).

Тенденцию отражения в книжных изданиях редукций можно считать приближением к фонетическому письму, даже транскрипции. Один из наглядных примеров таких текстов – издание фольклорных текстов [Аврорин 1986], но в последние годы книги все чаще издаются каждая со своими собственными принципами, в том числе нерегулярными, эти материалы помогут проводить исследования по диалектологии, основываясь на отражении звукотипов теми или иными буквами. Несмотря на то, что многие современные писатели и читатели считают, что такие тексты «легче читаются», этот принцип, при использовании его как «литературного», «орфографического» и «учебного», будет характеризоваться важным недостатком – отсутствием нормирования, невозможностью создавать словари и цифровые инструменты, сложностью чтения обучающимися, отсутствием общего языкового пространства для носителей разных диалектов.

5.3. Частные идеи для развития орфографических принципов

Представление на письме звукотипа *ц*, обладающего двойственной природой, можно реализовать при помощи буквы **Ч ч**¹⁹, представленной среди символов в дополненной кириллице Unicode: она сочетает в себе элементы одновременно букв **Ч ч** и **Ц ц**. Она может использоваться в тех позициях, где в *хэдзэни* реализуется в веляризованном или даже зубном варианте со свистящим акустическим эффектом [ц]: *чāлии* ‘режу’, *ичэхэмби* ‘видел(а)’; в прочих случаях, перед передними гласными, можно писать «обычную» букву **ч**: *чимана* ‘завтра’, *сиаричи* ‘едят’.

Со звукотипом [ʒ] можно было бы поступить аналогичным образом, но с той оговоркой, что соответствующей русской буквы нет; сейчас этот звукотип отражается с помощью сочетания буквы **Д д** и йотированных гласных или, частично, перед гласной буквой **и**. И то и другое является слабой чертой нанайской орфографии: у многих возникают затруднения с написаниями *диа* ‘друг’ или *дя* ‘близко’, а затем еще большие затруднения при прочтении. Я не раз сталкивался со случаями, когда носители *хэдзэни* в процессе чтения текста «привыкали» читать сочетание «д + йотированные буквы» как **ж** и затем, встретив ненормативную запись типа *дя*, читали как *жа*, искажая смысл текста. Перед передними гласными, как было показано выше, орфографическое **ди** может для *хэдзэни* обозначать два разных случая, как в слове *дидини* [зидйини] «дидыини»

¹⁸ См. <https://util.unicode.org/UnicodeJsps/character.jsp?a=1D78> (дата обращения: 31.03.2025).

¹⁹ Коды 04B6 и 04B7 соответственно; считается частью расширенной кириллицы.

‘приходит’. Перспективным является кардинальное предложение – отражать звонкую аффрикату с помощью буквы **З з**²⁰ с вариантом перед непременными **Ѕ ѕ**²¹. «Гачек» в данной букве для *хэдзэни* будет означать звонкую пару [ц], а для других *нани* эта диакритика не будет иметь этого значения, симметрично с **Ч ч**.

Буква **З з** имеет историко-культурные корни в нанайской латинице, **з** использовали и продолжают использовать для кириллической транскрипции нанайского литературного языка практически все нанаяеды [Петрова 1941; Аврорин 1959, 1986], иногда, видимо, с чисто типографскими решениями в виде знаков **Ѕ** [Оненко 1980], **Ѓ** [Заксор 2002], **з** [Герасимова 2006]. А. П. Путинцева в описании горинского нанайского обозначает в транскрипции звонкие аффрикаты буквами **з’** ~ **д’** (глухие – **ч** ~ **т’**) [Путинцева 1954]. О. П. Суник для кур-урмийского идиoma использует знаки **з** (обозначающий варианты **дж**, **дз**) и **дъ** («чередуется с **з** и встречается очень редко») при одном знаке для глухой аффрикаты **ч** [Суник 1958: 43–44]. В работе [Сем 1976: 30–31] для описания бикинского нанайского (в сопоставлении с литературным) существует следующее соответствие: в транскрипции литературного нанайского используется знак **з**, а бикинские варианты реализации звонкой аффрикаты записываются как **з** (свистящий, перед *а*, *о*, *э*, *у*) и **д’** (шипящий, перед узкими *и*, *у*), а глухие варианты, соответственно, **ц** и **ч**, что снова выявляет некоторое асимметричное влияние кириллической графики на принятые в нанаяеведении решения. Г. Л. Радченко использует для звонкой и глухой аффрикат знаки, соответственно, **ђ** и **ћ**, а для передачи оттенков реализации этих фонем – еще целый ряд основных и вспомогательных знаков [Радченко 1984]. У других исследователей также существуют варианты записи нанайского языка латиницей, нередко включающие знак **з**. С точки зрения принятого здесь решения считать **з** и **з** звонкими соответствиями **ч** и **ц** можно сказать, что оно находится в частичном противоречии с системой записи Л. И. Сем, а в других системах орфографии или транскрипции подобной задачи различия двух вариантов аффрикат не ставилось.

Также возможно добавление буквы для обозначения носового среднеязычного звука. Возможно было бы введение апострофа **н’**, как в ульчской письменности, или специальной буквы **нь**, как принято в удэгейской письменности. При этом все случаи [нь] перед [и] можно было бы записывать по-прежнему как **ни** (тем самым «нарушая» принцип для аффрикат, но он в некоторой степени для [нь] нерелевантен), а с помощью **нь** записывать небольшое число случаев, когда **нь** предшествует непременным гласным.

Такие изменения будут характеризоваться значительным «ослаблением» йотированных гласных букв, они станут применяться исключительно для обозначения гласных звуков с *й*-инициалю в абсолютном начале слова или в интервокальной позиции. Возможно было бы вовсе отказаться от йотированных, но, во-первых, это слишком изменит визуальное восприятие слов, а во-вторых, так писать будет менее экономно и удобно, что также является важным фактором. Пример: слово *яййни* ‘петь по-шамански’, которое носители часто пишут как *яини*, без йотированных, должно быть записано как *йаййни*. С другой стороны, наличие йотированных может прекрасно обслуживать **нь**, как это происходит сейчас.

Для показателя настоящего времени 3-го и 4-го классов можно по-прежнему использовать орфографическую запись **-ди** (а не вводить «фонематичную» или даже историческую форму **даи** / **дэи**), ведь с учетом введения буквы **З з** для *хэдзэни* возникают случаи различения нужных фонем для примера типа *дидини* → *зидини* ‘приходит’.

Для показателя настоящего времени 1-го класса предпочтительнее запись не в виде **-й**, а в виде гласной буквы **-и**: *энэини* ‘идет’, *симанаини* ‘снежит’. В этом случае носителям *хэдзэни* легче выбрать существующий гласный и для произнесения [эньни], [симаньни]. При этом более радикальные способы записи менее удачны: *эньни* будет нарушать общий принцип «непалатального **н** перед **и**», а *эньини* или *эньйни* предполагают введение новой буквы (видимо, с новым звукотипом в сознании владеющих письмом); кроме того, все эти нововведения будут неудобны для других *нани*. Наличие **и** вместо **й** также упростит введение долгого **й** при исходе основы «на **-и**» по общему правилу (один и тот же гласный при соположении становится долгим). Эта долгота важна для отражения фонетических реалий.

²⁰ Коды: 04E0 и 04E1 соответственно; считается частью расширенной кириллицы.

²¹ Коды: 01EE и 01EF соответственно; считается частью расширенной латиницы.

Для показателя каузатива предпочтительна будет запись с отражением огубленного гласного вместо **в**: **-оан-**, **-уэн-**. Это позволит носителям *хэдзэни* легче выбрать существующий гласный и для произнесения выше обсуждавшихся примеров *сиавāндини* → *сиаоандини* ‘кормит’, *энэвэ́ндини* → *энэуэ́ндини* ‘отправляет’.

Предметом обсуждения могут быть другие случаи дифтонгов с *и*-финалью: как в действующем варианте **-й**, или сформировать общий принцип **-и**.

Более общие принципы записи редукции **о** → **у** в конце слова (при отсутствии отражения **а** → **э**) и «пропуск» буквы **й** при соположении с буквой **и** могли бы также стать предметом обсуждения.

Буква **В в** может быть заменена на **Ў ў**, что отразило бы симметрию с **Й й**. С другой стороны, буква **В в** имеет более узнаваемые черты написания, при ручном написании пишется быстрее, а также для буквы **Ў ў** нет традиции употребления в истории нанайского или близкородственных языков. Этот символ можно использовать для практических транскрипций (идея графической симметрии с **й** предполагает, что **ў** все же предпочтительнее **w**, хотя в традиции используются **j** и **w**).

Благодарности

Я хотел бы выразить благодарность (хотя и существует убеждение, что «нанайцы не благодарят»), в первую очередь, Татьяне Александровне Моложавой, моей коллеге, языковой наставнице и основной консультантке по большинству вопросов, обсуждаемых в статье. Также за терпение и внимание при общении со мной выражаю признательность другим *хэдзэни* и *нани*.

Доклад по теме статьи был представлен на Евразийском конгрессе лингвистов 9 декабря 2024 г. в Москве, и я благодарен участникам обсуждения, особенно Марку Зимину, за интересные и ценные комментарии.

Список условных сокращений

диал. – диалектный вариант; лит. – литературный вариант; мест. орф. – местная орфография; нан. – нанайский; найх. – найхинский вариант; орф. – орфография; NPST – показатель непрошедшего времени; PST – показатель прошедшего времени; -//- – то же, аналогично.

Список литературы

- Аврорин В. А. Основные правила произношения и правописания нанайского языка. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1957. 144 с.
- Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 1. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 282 с.
- Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 294 с.
- Заксор Л. Ж. Нанайский язык: Ч. I. Теор. курс. Учеб. пособ. для педколледжей и вузов. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2002. 359 с.
- Зимин М. М. Свойства глухих и звонких шумных согласных в континентальных нанайских языках // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г. М. Василевич: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию Глафиры Макарьевны Василевич (24–25 сентября 2020 г., г. Якутск). Якутск, 2020. С. 74–75.
- Герасимова А. Н. Полипредикативные конструкции нанайского языка в сопоставлении с ульчским: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 265 с.
- Киле Н. Б. Образные слова нанайского языка. Л.: Наука, 1973. 189 с.
- Петрова Т. И. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941. 167 с.
- Петрова Т. И. (сост.) Нанайско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1960. 549 с.
- Путинцева А. П. Морфология говора горинских нанай: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1954.
- Радченко Г. Л. К проблеме дифтонгов в нанайском языке // Язык как исторический источник. Новосибирск, 1983. С. 22–29.
- Радченко Г. Л. Аффрикатy в нанайском языке // Фонетика языков Сибири. Новосибирск, 1984. С. 115–124.
- Радченко Г. Л. Функциональная нагрузка ларингала в нанайских словоформах // Лексика тунгусо-маньчжурских языков Сибири. Новосибирск, 1985. С. 97–104.

Радченко Г. Л. К вопросу о долгих гласных нанайского языка // Фонетика Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск: Наука, 1986. С. 54–57.

Сводный каталог. Издания на языках коренных малочисленных народов Хабаровского края. КГБНУК «Дальневост. гос. науч. б-ка»; редкол.: Т. Ю. Якуба (гл. ред.) [и др.]; сост. Т. В. Кирпиченко. Хабаровск: ДВГНБ, 2019. 60 с.

Сем Л. И. Очерки диалектов нанайского языка: Бикийский (уссурийский) диалект. Л.: Наука, 1976. 212 с.

Суник О. П. О языке нанайцев на р. Кура // Известия Академии наук СССР: отделение литературы и языка. Т. VII. Вып. 6. М., 1948. С. 537–550.

Суник О. П. Кур-урмийский диалект: исследования и материалы по нанайскому языку. Л.: Учпедгиз, 1958. 207 с.

Ko D., Yurn G. A description of Najkhin Nanai. Seoul: Seoul National University Press, 2011. 216 p.

References

Avrorin V. A. *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1959, vol. 1: Foneticheskoe vvedenie i morfologiya imennykh chastey rechi [Phonetic introduction and morphology of nominal parts of speech], 282 p. (In Russian)

Avrorin V. A. *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1961, vol. 2: Morfologiya glagol'nykh i narechnykh chastey rechi, mezhdometiy, sluzhebnykh slov i chastits [Morphology of verbal and adverbial parts of speech, interjections, function words and particles]. 294 p. (In Russian)

Avrorin V. A. *Osnovnye pravila proiznosheniya i pravopisaniya nanayskogo yazyka* [Basic rules of pronunciation and spelling of the Nanai language]. Leningrad, Uchpedgiz, Leningradskoe otd., 1957, 144 p. (In Russian)

Gerasimova A. N. *Polipredikativnye konstruksii nanaiskogo yazyka v sopostavlenii s ul'chskim* [Polipredicative structures of Nanai compared with Ulchi]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2006, 256 p.

Kile N. B. *Obraznye slova nanayskogo yazyka* [Figurative words of the Nanai language]. Leningrad, Nauka, 1973, 189 p. (In Russian)

Ko D., Yurn G. A description of Najkhin Nanai. Seoul, Seoul National University Press, 2011, 216 p.

Nanaysko-russkiy slovar' [Nanai-Russian dictionary]. Leningrad, Uchpedgiz, 1960, 549 p. (In Russian)

Petrova T. I. *Ocherk grammatiki nanayskogo yazyka* [Essay on the grammar of the Nanai language]. Leningrad, 1941, 167 p. (In Russian)

Putinceva A. P. *Morfologiya govora gorinskih nanai* [Morphology of Nanai idiom in Gorin river region]. Cand. philol. sci. diss. Leningrad, 1954.

Radchenko G. L. Affrikaty v nanayskom yazyke [Affricates in the Nanai Language]. In *Fonetika yazykov Sibiri* [Phonetics of Siberian languages]. Novosibirsk, 1984, pp. 115–124. (In Russian)

Radchenko G. L. Funktsional'naya nagruzka laringala v nanayskikh slovoformakh [Functional Load of the Laryngeal in Nanai Word Forms]. In *Leksika tunguso-man'chzhurskikh yazykov Sibiri* [Vocabulary of the Tungus-Man'chu languages of Siberia]. Novosibirsk, 1985, pp. 97–104. (In Russian)

Radchenko G. L. K probleme diftongov v nanayskom yazyke [On the problem of diphthongs in the Nanai Language]. In *Yazyk kak istoricheskiy istochnik* [Language as a historical source]. Novosibirsk, 1983, pp. 22–29. (In Russian)

Radchenko G. L. K voprosu o dolgikh glasnykh nanayskogo yazyka [On the question of long vowels in the Nanai Language]. In *Fonetika Sibiri i sopredel'nykh regionov* [Phonetics of Siberia and adjacent regions]. Novosibirsk, Nauka, 1986, pp. 54–57. (In Russian)

Sem L. I. *Ocherki dialektov nanayskogo yazyka: Bikinskiy (ussuriyskiy) dialekt* [Essays on dialects of the Nanai language: Bikinsky (Ussuri) dialect]. Leningrad, Nauka, 1976, 212 p. (In Russian)

Sunik O. P. O yazyke nanaytsev na r. Kure [About the language of the Nanai on the Kura River]. In *Izvestiya Akademii nauk SSSR: otdelenie literatury i yazyka* [News of the USSR Academy of Sciences: department of literature and language]. Moscow, 1948, vol. VII, iss. 6, pp. 537–550. (In Russian)

Sunik O. P. *Kur-urmijskiy dialekt: issledovaniya i materialy po nanajskom yazyku* [Research and materials of the Nanai dialect in Kur-Urmi rivers region]. Leningrad, Uchpedgiz, 1958, 207 p.

Svodnyy katalog. Izdaniya na yazykakh korennykh malochislennykh narodov Khabarovskogo kraia [Comprehensive catalog. Publications in the languages of the indigenous peoples of the Khabarovsk Krai]. Khabarovsk, DVGNB, 2019, 60 p.

Zaksor L. Zh. *Nanayskiy yazyk* [Textbook on the Nanai language for higher education]. St. Petersburg, Filial izd. "Prosveshchenie," 2002, pt. I: Teor. kurs. Ucheb. posob. dlya pedkolledzhey i vuzov [Theoretical course. Textbook for teacher training colleges and universities]. 359 p. (In Russian)

Zimin M. M. *Svoystva glukhikhi i zvonkikh shumnykh soglasnykh v kontinental'nykh naniyskikh yazykakh* [Properties of voiceless and voiced noisy consonants in continental Nani languages]. In *Narody i kul'tury Severnoy Azii v kontekste nauchnogo naslediya G. M. Vasilevich: tezisy dokladov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 125-letiyu Glafiry Makar'evny Vasilevich (24–25 sentyabrya 2020 g., g. Yakutsk)* [Peoples and cultures of Northern Asia in the context of the scientific heritage of G. M. Vasilevich: abstracts of reports from the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 125th anniversary of Glafira Makaryevna Vasilevich (September 24–25, 2020, Yakutsk)]. Yakutsk, 2020, pp. 74–75. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
31.03.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Василий Сергеевич Харитонов – магистр лингвистики, научный сотрудник Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Vasily S. Kharitonov – Master of Linguistics, Researcher, Research Center for the Preservation, Revitalization and Documentation of the Languages of Russia, The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

v.kharitonov@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6205-0454>